

Young & Free

ЭЛИ ЛЕНД

Хорошая
я.

Тюханя
я

Москва
2018

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Л44

Ali Land

GOOD ME, BAD ME

Copyright © Bo Dreams Ltd, 2017

Фото автора © Laura Lewis

Перевод с английского *Ирины Климовицкой*

Художественное оформление серии *Петра Петрова*

Ленд, Эли.

Л44 Хорошая я. Плохая я : [роман] / Эли Ленд ; [пер. с англ. И. И. Климовицкой]. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 352 с. — (Young & Free).

ISBN 978-5-699-98374-2

Что вы знаете о серийных убийцах? А о женщинах — серийных убийцах? В свои пятнадцать лет Энни знает о них все. Ее мама преступница, потому и оказалась за решеткой. Теперь у дочери «монстра» другое имя, Милли, и новая семья. Вот только мысли старые: о маме, страшных жертвах, полиции...

Майк, приемный отец девушки и по совместительству психотерапевт, пытается спасти ее душу, но как-то уж очень неискренне. Милли уверена: она для него лишь эксперимент — демонстрация навыков, приобретенных в дорогом университете. Масло в огонь подливают еще и одноклассники. Им не удается доказать новенькой, какой она аутсайдер.

Но у Милли свои планы. И окружающим придется несладко, если девушка все-таки решится обратиться к своей плохой стороне — той самой, которую она так боится. И которую лучше не знать!

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Климовицкая И., перевод на русский язык, 2017
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

ISBN 978-5-699-98374-2

Восемь ступенек вверх. Потом еще четыре.
Дверь справа.

Игровая комната.

Так она ее называла.

*Игры там были жестокие,
победитель известен заранее.*

*Если очередь была не моя,
она заставляла меня смотреть.*

В глазок на стене.

Потом спрашивала. Что ты видела, Энни?

Что ты видела?

1

Прости, когда скажу тебе, что это была я.

Это же я рассказала.

Следователь. Добрый пухлый дяденька с круглым брюшком. Не поверил сначала. Тогда я вытащила из сумки запятнанные штанишки на лямках. Крошечные.

Эли Ленд

Плюшевого мишку с бурой от запекшейся крови грудкой. Я могла бы еще кое-что принести, выбрать есть из чего. Она понятия не имела, что я все храню.

Когда он это увидел, аж поменял положение. Выпрямился на стуле, втянул живот.

Его рука потянулась к телефону, я заметила, что она подрагивает. Зайдите ко мне, сказал в трубку. Вам необходимо это услышать. Мы молча ждали, когда придет его начальник. Мне-то ничего. А каково ему? Сотни вопросов барабают в голове. Неужели она говорит правду? Не может быть. Столько? Убиты? Нет, исключено.

Я еще раз рассказала все от начала до конца. Потом еще раз. Ту же самую историю. Другим людям. Другие глаза смотрели на меня, другие уши слушали. Я рассказала им все.

Ну, или.

Почти все.

Когда я закончила свое признание, не раздалось ни звука, только видеомэгафон продолжал негромко потрескивать.

Скорее всего, тебе придется выступить в суде, ты же понимаешь это, да? Ты единственный свидетель, — сказал один из следователей. Другой спросил: как вы считаете, ей не угрожает опасность, если мы отпустим ее домой? Если все, что она говорит, правда? Старший инспектор ответил — сформируем опергруппу в течение ближайших часов, потом повернулся ко мне и сказал: с тобой ничего не случится. Уже случилось, хотела я ответить.

После этого все быстро закрутилось, как и должно быть. Меня подвезли к воротам школы,

Хорошая я. Плохая я

в обычной машине без надписи «Полиция». К тому времени, когда забирают детей. Когда она меня забирала. Аппетиты у нее в последнее время растут быстрее, чем обычно. Двое за последние шесть месяцев. Двое маленьких мальчиков. Пропали.

Веди себя как обычно, сказали мне. Возвращайся домой. Мы придем за ней. Сегодня вечером.

Медленно тикают часы у меня над шкафом. Тик. Так. Тик. И вот они. Пришли. Посреди ночи. Внезапность им на руку. Еле слышный шум гравия на дорожке, я была уже внизу, когда они выбили дверь и ворвались в дом.

Крики. Высокий, худой человек в светлом костюме, а не в форме, как все. Серия команд прорезала спертый воздух нашей гостиной. Вы — наверх. Вы туда. Вы двое берете на себя подвал. Вы. Вы. Вы.

Синие мундиры волной растеклись по нашему дому. В руках оружие, прижато к груди. Возбуждение от поисков пополам с ужасом от их результата на всех лицах.

А потом ты.

Тебя выволокли из твоей комнаты. Красная вмятина на щеке со сна, мутные глаза, переход от состояния покоя к состоянию ареста. Ты не произнесла ни слова. Даже когда тебя бросили лицом в ковер и зачитали твои права, прижимая к полу руки и ноги. Ночная рубашка задралась на бедрах. Трусов не было. Срамota, нечего сказать.

Ты повернула голову вбок. Лицом ко мне. Ты не сводила с меня глаз, и я могла читать в них. Ты ничего не сказала им, но мне — все. Я кивнула.

Только когда никто не смотрел на нас.

Новое имя. Новая семья.

Светлая.

Новая.

Я.

Мой приемный отец Майк — психолог, специалист по травмам. Его дочь Фиби тоже специалист по травмам, только она их причиняет, а не лечит, как он. Саския, мать семейства. Похоже, старается, чтобы я чувствовала себя как дома, но не могу сказать наверняка. Очень уж она не похожа на тебя, мама. Худющая, нигде не работает.

Боже, чего мне только не наговорили в клинике, пока я ждала Майка. Какая потрясающая семья эти Ньюмонты да какая прекрасная школа этот Ветербридж. Надо же. Надо же. НАДО ЖЕ. Хватит, я поняла. Мне полагается сойти с ума от счастья. На самом деле мне страшно. Страшно понять, кто я на самом деле, какой могу быть.

Мне страшно, что они тоже могут это понять.

Неделю назад Майк приехал за мной, в самом конце летних каникул. Волосы у меня были гладко причесаны и собраны в хвост. Я репетировала, что скажу, как поведу себя — лучше сидеть или стоять. Минуты шли, а из-за стенки слышались только голоса медсестер, они шутили между собой, и я решила, что он со своими домашними передумал. Опомился. Я приросла к месту и ждала, что дверь сейчас откроется и мне объявят: очень жаль, но ты сегодня никуда не едешь.

Хорошая я. Плохая я

Но он все-таки приехал. Улыбнулся мне, крепко пожал руку, не официально, а искренне, и мне было приятно, что он не боится прикоснуться ко мне. Не опасается подцепить заразу. Помню, он обратил внимание, что при мне нет вещей. Только маленький чемоданчик. В нем пара книг, немного одежды и еще несколько мелочей, которые мне удалось утаить, на память о тебе. О нас. Все остальное забрали как вещественные доказательства, вывезли из нашего дома все подчистую. Не беда, сказал он. Мы отправимся по магазинам. Саския и Фиби дома, добавил он, так что пообедаем все вместе. Торжественная встреча, как полагается.

Мы зашли к заведующему отделением. Потихоньку, полегоньку, сказал он, все наладится, проживай день за днем. Только самое страшное — не дни, а ночи, хотелось мне ответить.

Улыбнулись друг другу. Пожали руки. Майк расписался, повернулся ко мне и спросил: готова?

Нет, если честно, нет.

Но все равно я пошла за ним.

Доехали быстро, меньше чем за час. Кругом все незнакомое — улицы, дома. Когда мы приехали, было еще светло. Большой дом с белыми колоннами. Ну как, все хорошо? — спросил Майк. Я кивнула, хотя мне было совсем не хорошо. Ждала, когда он откроет дверь. Сердце подкатило к горлу, когда я поняла, что она не заперта. Мы просто взяли и вошли, и кто угодно так же может войти. Он позвал жену, я видела ее раньше несколько раз. Сас, крикнул он, мы дома. Иду-иду, прозвучало в ответ. Привет, Милли, сказала она, проходи. Я улыбнулась, потому что подумала, что так положено. Розы, их терьер, тоже приветствовала меня, стала наскочи-

вать на ноги, а когда я наклонилась почесать ее за ушами, радостно зафыркала. А где Фиби? — спросил Майк. Она у Клондин, сейчас придет, ответила Саския. Прекрасно, сказал он, тогда обедаем примерно через полчаса. Он предложил Саскии проводить меня в мою комнату, хорошо помню, как они переглянулись и он кивнул, словно ободряя. Ее, не меня.

Я поднималась следом за ней по лестнице, стараясь не считать в уме ступеньки. Новый дом. Новая я.

На третьем этаже обитаете только вы с Фиби, объясняла Саския, мы с Майком этажом ниже. Мы выделили тебе комнату в конце коридора, там с балкона открывается прекрасный вид в сад.

Первое, что бросилось в глаза, — желтые цветы, подсолнухи. Яркие-яркие. Улыбки в вазе. Я поблагодарила, сказала, что очень люблю подсолнухи. Мне показалось, ей было приятно. Оставлю тебя, чтобы ты освоилась, сказала она. В шкафу кое-какая одежда. Конечно, потом купим еще, ты сможешь выбрать сама, что понравится. Она спросила, не нужно ли мне еще чего-нибудь, я ответила — нет, и она вышла.

Я поставила чемоданчик на пол, подошла к балкону и проверила, заперта ли дверь. Заперта. Значит, безопасно. Справа шкаф, высокий, старинный, из сосны. Я даже не заглянула в него, у меня и в мыслях не было доставать одежду, переодеваться. Огляделась, заметила под кроватью ящики, открыла их, прощупала дно и бока — ничего нет. Вроде безопасно. В ванной комнате справа большое зеркало во всю стену. Я отвернулась от своего отражения, не хотелось, чтобы оно мне напомнило о тебе. Убе-

Хорошая я. Плохая я

дилась, что замок на двери в ванную работает и что снаружи ее нельзя открыть, потом села на кровать и попыталась не думать о тебе.

Вскоре послышались шаги на лестнице. Я постаралась сохранить спокойствие, вспомнить дыхательные упражнения, которые мне показал мой психолог, но голова все равно кружилась, и, когда она появилась на пороге, я уставилась ей в лоб, чтобы это сошло за зрительный контакт. Пора обедать, голос у нее мурлыкающий, сочный, с примесью ехидства, таким он мне и запомнился с тех пор, когда мы встречались в кабинете у социального работника. В клинике мы не встречались, ей не полагается знать правду, и такие ситуации, которые могли бы заронить в ней вопросы, исключались. Помню, она сразу вызвала у меня неприязнь. Такая самоуверенная пресыщенная блондинка, которую вынуждают терпеть под своей крышей чужого человека. Два раза за время встречи она спрашивала, надолго ли я к ним. Два раза на нее шикали.

Папа попросил позвать тебя, сказала она. Руки скрестила на груди. Оборонительная позиция. Я слышала, как персонал клиники давал пациентам клички в зависимости от языка их тела, навешивал ярлыки. Я тихо сидела, наблюдала, многому научилась. Давно это было, но я прекрасно помню слова, которые она сказала напоследок, перед тем как развернуться на каблуках, словно рассерженная балерина: ну, добро пожаловать в сумасшедший дом.

По ее запаху, сладкому и розовому, я вышла к кухне, фантазируя по пути, каково это, иметь сестру. Какими сестрами мы с ней были бы. Она вроде как

Эли Ленд

Мег, а я будто бы Джо, две маленькие женщины¹, такие разные. В клинике мне сказали, что надежда — моя главная опора, она поможет мне преодолеть все трудности.

Я им поверила. Вот дура-то.

3

Первую ночь я спала в одежде. Шелковую пижаму, которую приготовила Саския, оставила нетронутой, взяла в руки только для того, чтобы убрать с кровати. Ткань скользит по коже. Сейчас я стала спать, но не всю ночь напролет, конечно. Я очень изменилась с тех пор, как мы с тобой расстались. Персонал в клинике мне рассказал, что первые три дня я вообще не разговаривала. Сидела на кровати, прижавшись спиной к стене. Смотрела перед собой. Молчала. Это шок, сказали они. Это гораздо хуже, сказала бы я. Что-то такое, что заползало в комнату каждый раз, когда я позволяла себе заснуть. Проползало в щель под дверью, шипело на меня, называло себя «мамочкой». Оно и сейчас так делает.

Когда не могу заснуть, я считаю не овец, а дни до суда. Я против тебя. Все против тебя. Двенадцать

¹ «Маленькие женщины» — роман американской писательницы Луизы Мэй Олкотт, опубликованный в 1869 году. В романе описывается жизнь четырех сестер семейства Марч: Мег, Джо, Бет и Эмми. Мег — старшая из сестер, очень красивая 16-летняя девушка с прекрасными манерами, женственная и романтичная. Джо — вторая по старшинству, ей 15 лет. В отличие от Мег она сорванец в юбке, не любит балы и девичьи разговоры, они кажутся ей скучными. — *Здесь и далее прим. пер.*

Хорошая я. Плохая я

недель до этого понедельника. Восемьдесят восемь дней, все пересчитаны. Я считаю вперед, я считаю назад. Я считаю, пока не начну плакать, и продолжаю считать, пока не успокоюсь, и где-то в середине я начинаю тосковать по тебе, хоть и знаю, что это неправильно. Я собираюсь надо всем этим как следует поработать. Нужно все в голове расставить по местам. Каждая вещь должна быть на своем месте, раз меня вызывают в суд. А то легко сбиться, когда на тебя смотрят во все глаза.

В этой работе, которую я должна проделать, очень важную роль играет Майк. У них со специалистами клиники составлен целый план реабилитации, с еженедельными психотерапевтическими сеансами для подготовки к суду. У меня будет возможность обсуждать с ним все свои проблемы и страхи. Вчера он предложил назначить сеансы на среду, посередине недели. Я сказала «да», не потому, что хочу этих сеансов, а потому, что он хочет: думает, они мне помогут.

Завтра начинаются занятия в школе, и мы все собрались на кухне. Фиби говорит — слава богу, наконец-то, не могу уже дожидаться, когда вырвусь из этого дома. Майк отделяется смешком, у Саскии грустный вид. За неделю я уже успела заметить, что у нее с Фиби не очень-то ладится. Каждая сама по себе, а Майк между ними как переводчик, как посредник. Иногда Фиби называет ее Саския, а не мама. В первый раз я подумала, что ее накажут, но нет, ничего. По крайней мере, я такого не видела. Чтобы они касались друг друга, тоже не замечала, а ведь, по-моему, прикосновения — признак любви. Конечно, не такие прикосновения, какие выпадали

тебе, Милли. В клинике сказали, что бывают хорошие прикосновения и плохие прикосновения.

Фиби заявляет, что она пойдет повидаться с какой-то Иззи, которая только что вернулась из Франции. Майк предлагает взять меня с собой, познакомиться нас. Она делает большие глаза: ты что, я же не видела Из все лето. Он настаивает: Милли полезно общаться с девочками, бывать в местах, где бываешь ты. Ну, ладно, — соглашается она, — только все равно это не мои заботы.

— Это очень хорошо с твоей стороны, — говорит Саския.

Фиби смотрит на мать сверху вниз. Смотрит долго-долго, пока не одерживает победу. Саския отводит глаза, на щеках выступает румянец.

— Я просто хотела сказать, что это хороший поступок, так я думаю.

— А тебя ведь никто не спрашивал, правда?

Я подумала, вот сейчас ей влетит — получит пощечину или чем-нибудь в нее запустят. Но нет, ничего такого. Только Майк подал голос:

— Пожалуйста, не разговаривай так с матерью.

Мы выходим из дома. На ограждении возле нашей подъездной дорожки сидит девочка в спортивном костюме, смотрит на нас. Фиби говорит: вали отсюда, вонючка, нечего тут сидеть, найди себе другое место. Девочка показывает ей в ответ средний палец.

— Кто это? — спрашиваю я.

— Какая-то засранка вон из тех многоэтажек.

Она кивает в сторону высоченных домов по левую сторону от дороги.

— Ты вообще-то на меня не рассчитывай. Учти, в школе у меня своя жизнь.

Хорошая я. Плохая я

— Хорошо.

— Чтобы срезать, нужно идти через наш сад, там ничего особенного, несколько гаражей и всякая ерунда, до школы путь получается короче.

— Когда ты обычно выходишь утром?

— По-разному. Обычно мы встречаемся с Из и идем вместе. Иногда заходим в Старбакс ненадолго. Но в этом семестре у нас хоккей, а я капитан команды. Поэтому буду выходить рано, чтобы успеть потренироваться, — фитнес и все такое.

— Ты, значит, здорово играешь, если ты капитан.

— Типа того. А что вообще с тобой стряслось? Где твои предки?

Невидимая рука сжимает мне кишки, стискивает все сильнее, не отпускает. К голове подкатывает. Успокойся, говорю я себе. Мы ведь репетировали эти вопросы в клинике, много-много раз.

— Мама ушла, когда я была еще маленькая. Я осталась с отцом, а он недавно умер.

— Да, блин, дерьмово.

Я киваю, больше ничего не говорю. Чем меньше слов, тем лучше, учили меня.

— Папа показывал тебе, наверное, эту дорогу на прошлой неделе. А вот здесь можно срезать, если идешь в школу, — она показывает направо. — Переходишь через дорогу, первый поворот налево, потом вторая улица справа. Отсюда минут пять, не больше.

Я хочу ее поблагодарить, но она уже смотрит в другую сторону, на лице появляется улыбка. Я смотрю туда же, куда она, и вижу девочку-блондинку, которая идет через дорогу навстречу нам и посылает воздушные поцелуи. Фиби смеется, машет ей, говорит — это Из. Она в шортах с рваными краями, свер-